

Уроки ЕГЭ, за которые заплачено дорогой ценой

Пора перелистнуть страницу ЕГЭ в истории российского школьного образования. Но что дальше? Обратимся к опыту ЕГЭ: он, при всем его негативе, поучителен. Пойдем по цепи уроков ЕГЭ.

Урок первый. Механицизм концепции.

Концепция ЕГЭ сформулирована в виде двух целей: 1) единые возможности при поступлении в вуз для школьников всех территорий страны и 2) преодоление коррупции на этапе поступления в вуз. Таким образом, цели определенно благие. Отсюда идея теста как средства, ставящего всех школьников в одинаковые условия на выходе из школы и на входе в вуз.

Но формула, внешне правильная, ужасает оторванностью от российских реалий. Вечная болезнь штабистов – путают местность с картой. Школа российская давно и серьезно больна – и ясно почему. Если, например, вооружения могут доказать свою нужность – монетарная логика управления (разорив много научных школ и оборонных производств) необходимость вооружений все же признает, ибо военная угроза для страны налицо, – то чем средней школе обосновать свою нужность? Не докричаться до тех, кто считает триллионы по контуру и так управляет. Соответственно, учительский корпус ввергли в нищету, он за двадцать лет поредел и переродился, сегодня сильно не хватает хороших учителей, хорошей системы их переподготовки, хороших учебников. Мотивация многих учителей и учеников изменилась, познавательный процесс в классе происходит в атмосфере, которая сама требует лечения.

Почему же решить эти проблемы призван фильтр в виде тестов? Где бузина, а где дядька. Если сопоставить природу двадцатилетних негативных процессов в школе и природу предложенного фильтра – не увидим ничего общего, ничего разумного. Видно лишь (детское) желание решить накопившиеся тяжелейшие проблемы взмахом волшебной палочки: фильтр (тестирование) и призван стать той волшебной палочкой.

Линейный, механистический подход! Нашелся, однако, тот, кто его предложил, и тот, кто его одобрил. Будто были в неведении, что за последние век-два накоплено немало умных, научных подходов к решению тяжелых социально-экономических проблем. В том числе, и у нас в стране.

Урок второй. Сражаться с коррупцией и противоправными действиями картонным мечом – без толку.

В Москве «пятерка» за ЕГЭ «стоит» 60 тысяч рублей, а в крупных городах провинции – 30 тысяч рублей (данные из интервью GZT.RU зам. председателя комитета по образованию Госдумы О.Н. Смолина). Денежные потоки из абитуриентской стадии просто переместились в школу – на стадию перед ЕГЭ и в сам ЕГЭ. Это огромные теневые деньги в целом по стране – по оценкам, в частности, каждого второго ребенка к ЕГЭ теперь готовят репетиторы.

Сфера противоправных действий вокруг ЕГЭ выросла мгновенно и до пока неосознанных нами размеров. ЕГЭ стал национальной игрой: предложено выиграть любыми средствами. Авторы ЕГЭ утверждали: компьютерные базы данных с результатами ЕГЭ находятся под надежной защитой. Наивные! Интернет уже помог списать ответы на тестовые задания сотням тысяч выпускников. В ход пошли микровидеокамеры, невидимые наушники и другие беспроводные средства. Выпускники делятся живыми впечатлениями с экзамена: на ЕГЭ списывают очень многие.

Если диск с голливудским фильмом поступает в продажу на российские развалы, когда сам фильм еще в монтажной Голливуда, то понимают ли инициаторы ЕГЭ, с кем решили тягаться?! Шпионская техника способна на фантастические вещи. Если экран компьютера еле-еле дает ответ на противоположной стене комнаты, то эти ответы можно заснять с помощью телескопа из окна дома, что стоит за 300 метров, и соответствующая компьютерная программа по этим бликам полностью восстановит изображение на экране. Такое умели делать еще лет 15 назад, а что возможно сегодня?

Организаторы ЕГЭ отодвинули на второй план прежнюю мотивацию к получению знаний, выдвинув на первый план техническую сторону прохождения теста. Тогда участники ЕГЭ словно получили санкцию: на организационно-технические меры организаторов ЕГЭ находить технический ответ, позволяющий их обходить, – действительно, похоже на игру. Но тут уж творчество молодежи не имеет равных, и организатором ЕГЭ в борьбе с этим творчеством бесполезно обращаться за помощью к ФСБ (чем только что всех насмешили).

В российских же реальных условиях, помимо виртуозного владения частью молодежи современными техническими средствами, работают и простые «домашние» методы. За учеников тесты заполняют учителя, или другие ученики, или студенты. Или родители переводят ребенка в сельскую школу, где контроль слабее. Или строгое соблюдение требований ЕГЭ имитируется этническим кланом (тейпом), которому на его территории принадлежит все, включая учеников, учителей, директоров школ и инспекторов из района. А потом такие выпускники с блестящими результатами ЕГЭ штурмуют столичные вузы. Работают приемчики и еще примитивнее: скажем, ученик, вообще не знающий предмета, заполняет тест методом «тыка», включив интуицию высокого полета,

словно в карточной игре – и получает оценку лучшую, чем те, кто серьезно учились предмету.

Есть выражение – получить результат «с точностью до наоборот». Именно такой результат получили авторы ЕГЭ, вознамерившись в российских условиях наивными средствами бороться с коррупцией и противоправным поведением. Вместо борьбы они лишь сами способствовали взрыву негатива. Простота хуже воровства – эта пословица родилась здесь, на этой земле.

Урок третий. Цель и средства меняются местами.

Это – довольно часто встречающаяся в жизни диалектика.

Тесты были придуманы как средство – средство улучшения учебного процесса. Но в результате идет натаскивание на успешную сдачу ЕГЭ, т.е. учителя не учат, ученики не учатся, полученных знаний по предмету – ноль. ЕГЭ заглушил все остальные задачи старшей школы. Вузы же, чтобы учить студентов, в первый семестр вынуждены переучивать и доучивать прибывших из школы.

Что теряем? Становление ребенка, его личностное время пронизано познавательным интересом, импульсами роста. Именно это сжирает натаскивание на ЕГЭ, т.е. идет изъятие драгоценного времени растущих подростков, невосполнимое обкрадывание будущих граждан нашей страны. Страна теряет таланты, и они сами себя теряют. Несовместимыми оказываются ЕГЭ и все цели педагогики!

Судя по всему, хорошее среднее образование в России, раз уж его отторгает государственная система, станет полуподпольным, оно, словно сектантство, будет развиваться в семейном кругу по программам, задаваемым родителями, которые понимают, насколько это важно.

Урок четвертый. Из школы в вуз: откуда эта непереносимость?

Положительная сторона ЕГЭ, заявляли его авторы, в том, что одновременно он может быть и вступительным экзаменом в вуз.

Потом это «может быть» почему-то исчезло, авторы заведомо решили за всех, что эта цель приоритетна. Но если конкретный ученик хотел бы получить знания за курс средней школы, а не убивать время в решении кроссвордов навстречу ЕГЭ, он этого сделать не сможет, поскольку включен в общую учебную процедуру класса – готовится навстречу вузу. Это – явное нарушение его прав.

Интересно, что система Гарварда, Сорбонны и ряда других университетов гораздо остроумнее решает ту же задачу, что и ЕГЭ, но без нарушения прав старшеклассников. Эта система известна, о ней говорили многие: на первый курс принимают всех желающих без экзаменов и бесплатно, но сильный отсев организуют на экзаменационной сессии по итогам первого семестра. Возможен и другой подход, когда те же тестовые испытания, что и на ЕГЭ, проводятся территориальными комиссиями, но добровольно для школьников и полностью вне системы школьного образования.

Авторы ЕГЭ, декларировав в качестве цели равные возможности поступления в вуз для выпускников школ территории страны, похоже, сами не смогли выпутаться из схемы «школа-вуз» и, мысля линейно, механистично, подчинили этой связке вообще всех – и учителей, и учеников, и вузы. Что, между прочим, из первоначальной декларации логически не следовало.

Урок пятый. Вслед за Достоевским – про слезу ребенка.

Не все любят и не все понимают цитату классика: «Никакие богатства мира не стоят слезы ребенка». Но здесь цитата уместна: слеза ребенка (и не одна слеза, и не одного ребенка) вследствие ЕГЭ – пролилась, с детьми произошли и гораздо более горькие драмы. Достоевский же этими словами пытался сделать важное предупреждение перед тем, как начались российские эксперименты XX века. Достоевского тогда не послушали; потом же, увидев содеянное, охнули, оценили зерно истины в словах Федора Михайловича, но – поздно.

Авторы ЕГЭ, видимо, посчитали, что вся эта гуманитария и книжная мораль – не для них. И легко пожертвовали таким-то процентом юных жизней ради успеха реформы образования (на самом деле – ради успеха их проекта). Кем же пожертвовали? Отнюдь не только разгильдяями, которые не учились. Но также теми, кто по природе столь волнуется, что не может продемонстрировать свои знания. Теми, кто по рассеянности делает много ошибок, хотя предмет знает. Теми, кто, не сдав ЕГЭ, хотел бы, как и положено, пересдать его через год – но жизненные обстоятельства так закручиваются, что вне школы молодой человек не может организовать себе учебный процесс. Известно: и тех, и тех, и тех в сумме 30 тысяч. Теперь они не просто вне социума, не просто вне жизненной перспективы (в ПТУ их также не возьмут), над ними будто «сломана шпага» – осуществлена гражданская казнь, которую трудно сравнить с иными наказаниями, предусмотренными законом. Со справкой вместо аттестата дорога закрыта всюду, жизнь поломана, теперь они – неграждане.

В Афганской войне наша страна потеряла убитыми и умершими от ран 26 тысяч человек – и травма эта для общества по сей день жива, не зажила, мы все носим этот шрам.

С ЕГЭ будет так же: пройдут годы, а шрам от потери социумом 30 тысяч наших соотечественников со справкой – останется на всем обществе, на душе каждого из нас. Нет, то не книжная мораль! Как-то надо было по-другому!

Какой бы фикцией ни был школьный аттестат старого образца, он уже тем, что не оборачивался десяткам тысяч волчьим билетом, был лучше – просто потому, что был гуманнее.

Философы говорят: человек – это проект человека, его устремленность в будущее. Назови человека тем, что он есть сейчас в реальности – и ты его обидишь, порой даже – оскорбишь. Безошибочный вариант – обращаться к человеку, как к тому лучшему, что в его будущем может осуществиться. И он такое обращение не воспримет, как некое искусственное возвышение – воспримет естественно. Потому что названа его суть.

Все это – азбучная истина! Но именно она – поправа авторами ЕГЭ. Если человек не сдал ЕГЭ, они посчитали возможным дать ему название «не сдавший ЕГЭ», причем, не только в этот момент, а на всю его будущую жизнь. Чудовищно! К формированию концепции реформы, похоже, допустили людей вообще без гуманитарного образования!

Урок шестой. Работать надо качественно.

Жалоб много: тесты не соответствуют требованиям программ, которые у нас сегодня есть; вопросы ставятся некорректно; на вопрос существует несколько правильных ответов или вообще нет ни одного верного; вопросник отвратительный с профессиональной точки зрения и т. д. Прямо-таки, жестокий романс: «...ты не любил, ты погубил, но погубил так неумело».

Спрашивается: разве нельзя было в стране с огромным контингентом ученых с мировым именем, найти тех, кто способен сформулировать адекватные вопросы?

Видимо, нельзя: всем стадиям подготовки ЕГЭ почему-то сопутствовала обстановка особой секретности. Почему? Может быть, потому, что на эксперимент с ЕГЭ затрачено несколько миллиардов?

Урок седьмой. Нельзя жертвовать ценностями гражданского общества.

Опросы фиксируют – большинство населения против ЕГЭ, но Минобрнауки РФ и законодатели упорно игнорируют настроения общественности. Как-то не похоже на гражданское общество.

И ученики, и взрослые – их родители – переживают от ЕГЭ нешуточный стресс, и он, этот стресс, сам по себе уже есть своеобразный запрос от общественности в сторону властей. Увы, запрос остается без ответа, что явно не на пользу консолидации общества. Всеми замечено: правительство обещало общественную экспертизу результатов эксперимента с ЕГЭ – и где она? Неизвестно откуда вдруг взялось заявление, что эксперимент прошел удачно. И где здесь гражданское общество?

ЕГЭ своим провалом в общественном признании неизбежно ставит под сомнение и другие громкие инициативы того же «авторского коллектива». С Болонской конвенцией уже очевидно, что то был ложный ход: 1) не сработал главный ее пункт – бакалавры не востребованы на рынке труда, 2) напрасно ради организации бакалавриата сломали десятилетиями выработывавшуюся концепцию учебного плана старых заслуженных университетов и вузов, 3) напрасно протащили в магистратуру кратно увеличенную долю платных мест, и т. д. Увы – чиновники не слышат доводов общественности. Где же гражданское общество?

Что же касается еще одной инициативы того же «авторского коллектива» – проекта новых стандартов школьного образования – то, если своевременно не будет сделано хода назад, эта бомба еще взорвется! Мало не покажется.

Думается, объяснение – в той же обстановке секретности: мало кто знает, что России лет десять назад заплатили за реформу образования, она те денежки взяла и... Куда они делись? Словом, теперь их надо отрабатывать. Может быть, поэтому – не до гражданского общества?

Урок восьмой. Нельзя вульгаризировать смысл образования.

Древняя Греция: в школу Пифагора принимали, если претендент мог молчать год – здесь нужны были люди только сосредоточенного мышления. Как видим, на ЕГЭ очень не похоже.

Упанишады – учение древней Индии, пришедшее из глубины тысячелетий. Упанишады – дословно, сидеть рядом. В названии схвачен узловый момент образовательного процесса: от учителя к ученику. Опять же – никаких кроссвордов ЕГЭ.

Но, может быть, все это устарело? Может, смысл образования сегодня совсем другой? Не углубляясь в философию образования (это огромная область), посмотрим на сегодняшнее энциклопедическое толкование термина.

Читаем: образование – процесс взаимодействия учителя и ученика, некая их человеческая со-бытийность (ср. Упанишады!), соединение поколений. Соединение – для чего? Для ОБРАЗования, то есть, дословно – формирования в юном существе ОБРАЗА, культурного самоопределения молодого человека. Формирование образа идет через приобщение учащегося к ценностям – ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйства и т. д.

В энциклопедическом определении отмечается, однако, и вульгарное понимание, примитивизация: образование подменяется подготовкой (написано будто специально про ЕГЭ).

Образование строится на основе базовых образовательных процессов и заведомо избыточно по отношению к потребностям общества на данный момент. Почему избыточно? – Чтобы стать ресурсом развития этого общества. Образование определяется современным уровнем знания и мышления (мышления, а не натаскивания!) и организуется через освоение учащимся способов познавательной деятельности.

Считается: понять систему образования данного общества – в большой степени означает понять само это общество (верно: ЕГЭ очень многое говорит о состоянии современного российского общества).

Обосновывать педагогические идеи – во-первых, во всех случаях непременно нужно, и, во-вторых, уже три столетия это не может проводиться на примитивном уровне, поскольку подобное обоснование давно стало предметом серьезной философии.

Таково энциклопедическое понимание образования. Как видим, уже эти простые и очевидные строки восстают против ЕГЭ!

Взгляд в будущее.

Чему быть завтра?

Надо признать: во-первых, прогресс в образовательных технологиях должен быть и, во-вторых, ЕГЭ – отнюдь не единственный негативный фактор нашего среднего образования, нельзя все его беды списывать на ЕГЭ. Школа и без ЕГЭ в глубочайшем кризисе.

Другое дело, что ЕГЭ быстро превращается в катализатор дальнейшего разрушения школы и теперь, в связи с его действием, выход из кризиса искать

намного труднее. А если же за дело примутся люди с той же «умелостью», что и авторы ЕГЭ, то, говоря по-русски, вообще – «кирдык».

В поисках будущего школы, обратимся к наследию гения педагогики всех времен и народов – Антона Семеновича Макаренко. Правда, его творчество не может быть полностью понято без его эпохи. Тогда, на заре советского периода, огромное количество лучших людей страны были воодушевлены идеей строительства коммунизма прямо на своем рабочем месте. Так Маяковский писал стихи, так биолог Вавилов собирал знаменитую всемирную коллекцию злаков, так Чкалов и Громов перелетели через Северный полюс, так конструкторы создавали машины и станки, строители строили домны и ГЭС. И педагог Макаренко был движим именно тем же: искал педагогическую модель коммунистического будущего. И именно с этой целью проводил уникальные эксперименты – последовательно увеличивал размер класса на одного учащегося и смотрел, как это влияет на педагогический процесс. И сделал на таком простом опыте мировое открытие.

Оказывается: до численности класса 10-12 учеников в любом случае, независимо от характеров и индивидуальных особенностей детей, класс представляет собой единое целое. Это – коллектив, со своими регуляторами поведения целого и каждой его части, со своими ценностями, требовательностью, обязательностью, неписаными законами. Но как только класс переваливает за эту пороговую численность, он распадается на два коллектива, т.е. на два самоценных и в некотором роде замкнутых человеческих пространства.

Выводы для организации педагогического процесса – самые радикальные. Если класс – единое целое, тогда взрослый – т.е. учитель – обязан на время урока вписаться в это целостное единство, принять все его регуляторы. В этом случае учителю не нужны специальные меры дисциплинарного принуждения учеников, они в полноте своей есть в этом коллективе – достаточно апеллировать к ним, класс сам кого надо принудит, ограничит, мобилизует. В этом случае от учителя не требуется, чтобы он был руководителем в полном смысле этого слова, нужно только, чтобы он был специалистом и вел класс в свой предмет – в математику, литературу, астрономию и т. д.

Если же класс по численности больше и распался на два (и более) единства, в распоряжении у учителя больше нет единой для всего класса системы регуляторов, на которую бы он опирался в учебном процессе. Следовательно, для организации учебного процесса учитель сам вынужден продуцировать весь комплект дисциплинарных мер, которых бы слушались дети, и, следовательно,

вопросы предмета образования (математики, литературы, астрономии и т.д.) либо делят с дисциплиной время и внимание педагога, либо даже отходят на второй план и остается лишь дисциплина как главная цель урока.

Отсюда вывод для страны, строящей коммунизм: в стране должно быть столько школьных учителей, чтобы численность классов не превышала 10-12 учеников – только тогда школьное образование будет качественным, только тогда будет обеспечено необходимое развитие личности, только тогда у страны будут коммунистические перспективы.

Как мы знаем из истории, сталинское государство ликвидировало тех коммунистических романтиков, хотя плодами импульса, который они придали развитию всех сторон жизни страны, мы пользуемся до сих пор.

Но наследие Макаренко существует – оно предназначено, в том числе, и для нас. С каким проникновением в суть смысла образования он расширил границы той самой «со-бытийности учителя и ученика»! Гений!

Сумеет ли (и захотит ли) мы воспользоваться этим наследием?

Пока же, не очень обращая внимания на ценности какого бы то ни было наследия, чиновники образования продолжают реформы.

Вот, например, один из всерьез обсуждаемых планов реформирования образования: на каждого ученика выделить сумму, которая на него затрачивается на протяжении всей учебы. Он с этой суммой идет в ту школу, которая ему нравится, т.е. голосует рублем. Так, по замыслу рыночников, школы получат больше денег: они будут подбирать учителей более высокого уровня, а те будут более заинтересованно относиться к ученикам.

Вот еще из реформенных затей. Читаем в новостях: в ходе визита министра просвещения Израиля Гидеона Саара в Москву достигнута договоренность с министром А. Фурсенко о включении в курс истории для средних школ РФ специальной программы по изучению Холокоста с возможностью включения вопросов по теме Холокоста в Единый Государственный экзамен (ЕГЭ). Надо полагать, эта тема будет изучаться глубже, чем тема «Великая Отечественная война», которой, как мы знаем, в программе истории для школы отводится четыре учебных часа.

Кстати, насчет ЕГЭ и темы войны – с этим, как многие помнят, произошел курьез. Министра вызвал Президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев и показал вопросы по истории Второй мировой войны из сборника тренировочных тестов

для ЕГЭ. На вопрос: «Какие изменения произошли в Красной армии в годы войны?» там предусмотрены варианты ответов: «Введение погон; Введение должности полевого священника; Формирование специальной службы для выкупа пленных у противника». На вопрос: «Что является следствием коренного перелома в годы войны?» предлагались варианты ответа: «Выход Японии из войны; Распад антигитлеровской коалиции; Расстрел всех немецких военнопленных, находившихся в советском плену». Это неуважением к истории, – упрекнул министра Президент. Этот сборник Министерством образования не одобрен, – нашелся Андрей Александрович.

Июнь 2011

Сергей Шаракшанэ

E-mail: sash_50@mail.ru

Сайт: <http://sergey-sharakshane.narod.ru>